

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

МИФ ОБ ЭДИПЕ КАК ПАЛИТРА СЕМАНТИКИ В ТРУДАХ ВЛАДИМИРА ПИМОНОВА

© 2022 Э.А. Радаева

Радаева Элла Александровна, кандидат

филологических наук,

доцент кафедры русской,

зарубежной литературы и методики преподавания литературы

Самарского государственного социально-педагогического университета,

научный редактор Самарского федерального

исследовательского центра

Российской академии наук

Самара, Россия

Для исследователей классической древности, а также любителей античной литературы должен стать настоящим событием выход в свет монографии Владимира Ивановича Пимонова, профессора-эмерита, уже много лет проживающего в Дании: «Миф об Эдипе. Структура — мотивы — сюжет» (Москва, издательство «ФЛИНТА», 2022, 160 с.).

Миф об Эдипе не первый год является объектом исследования В.И. Пимонова. Для профессионального филолога это «теоретическая “оперативная модель”», понимаемая «как совокупность всех его версий и вариантов». Учитывая многообразие поднимаемых автором проблем и беспрецедентную глубину анализа, можно с уверенностью сказать, эта работа подводит черту под важным этапом в истории филологических интерпретаций одного из главных сюжетов западноевропейской литературы. В.И. Пимонов предлагает неожиданное многовариантное прочтение некоторых узловых моментов мифа об Эдипе, опираясь на значения слов в оригинальных древнегреческих текстах.

Книга состоит из 13 глав, а также предисловия и «постскриптума» исследователя.

В первой главе («От Гомера до Павсания») рассмотрен сюжет мифа об Эдипе в изложении разных авторов. Также представлена и таблица сравнительных характеристик сюжетных мотивов в истории культуры.

Во второй главе («Что такое миф об Эдипе?») — сводка стереотипных представлений о мифе в массовой культуре. Как справедливо утверждает В.И. Пимонов, популярность учения З. Фрейда об эдиповом комплексе нивелировала исконный сюжет мифа об Эдипе, между тем «Эдип был выброшен из дому на третий день после своего

рождения. В детстве он не знал своей матери, поэтому утверждение о его эротической привязанности к ней лишено оснований» [с. 26]. И эта глава представляется особенно ценной, если учесть, что на сегодняшний день в обывательском сознании понятие «эдипов комплекс» закреплено достаточно прочно, тогда как знание его мифологических истоков (истоков ли?) весьма расплывчато.

Здесь же автор вновь закономерно обращается к древним текстам, обнаруживая, в частности, неожиданное для нас сближение русской сказки с сюжетом об Эдипе. Объединяющим началом служит загадка Сфинги (о том, кто ходит сначала на четырех ногах, затем на двух и далее — на трех), которая красной нитью проходит сквозь все исследования В.И. Пимонова о фиванском царе.

Приведем здесь самый пикантный пример из выводов ученого (он берет за основу сказку №70 из собрания Д.К. Зеленина (1914): «В сказке мотив «четвероногости» выражен в амурной позе супружеской пары (мужик завалил жену на пол), мотив «двуногости» завуалирован в образе птицы (сороки), а мотив «треногости» — в обценной метафоре «палка в зад...це». Слово «палка» в значении эрегированного («распухшего») пениса перекликается с этимологией греческого имени Эдипа (Οἰδίπους), которое означает «распухшая нога» <...>. Загадку Сфинги и русскую сказку объединяет общая тема символического изменения числа ног — четыре ноги, две ноги, три ноги. Русскую народную сказку про мужика и сюжет об Эдипе сближает и общая тематика, связанная с нанесением физического ущерба путём связывания ног и воздействием железным предметом [с. 29].

Вышеупомянутая загадка Сфинги в третьей главе монографии («Культ жертвоприношения и миф о близнецах») остается предметом изучения уже в контексте ее сходства с гимном из древнеиндийской «Ригведы» («обсуждается вероятность прочтения загадки Сфинги о «многоногом существе» как разновидности загадки о «беременности», связь с обрядом жертвоприношения животных» [с. 4]).

В последующих главах («Миф в свете фольклора», «Имя как свернутый сюжет», «Сюжет мести: от Софокла до Аристотеля», «Оживающая статуя и смерть героя» и др.) рассматривается специфика поворотов сюжета, завуалированная семантика греческого имени, обуславливающая эти повороты, мотивы «зрения — слепоты», «знания — незнания» и «убийства — мести», альтернативные прочтения загадки Сфинги (в частности, предлагается «прочтение загадки Сфинги на метаязыковом уровне как аллегии математических понятий (треугольника и др.)» [с. 6]).

Чтобы продемонстрировать глубину лингвистического анализа В.И. Пимоновым древних текстов, остановимся на выдержках из главы восьмой («Мотив лошади как предвестие судьбы Эдипа»), где «показано, что в образе «четвероногого» существа в загадке Сфинги завуалирован мотив лошади, который проецируется на образ Эдипа и оказывается скрытым предвестием происходящих с ним событий. Описана семантическая связь между мотивом и героем. Речь идёт о метафорическом сопоставлении Эдипа с лошадью, его символическом превращении в «четвероногое» существо (когда он опирается на двух своих дочерей, названных «костылями») и его смерти в Колоне — «стране лошадей». Скрытое предвестие, завуалированное в мотиве лошади, актуализируется в рамках обобщенного расширенного сюжета (оперативной модели мифа), внешним контуром которого служит легенда о боге лошадей Посейдоне» [с. 5-6]. Здесь вновь не можем обойтись без обширного цитирования — исключительно с целью продемонстрировать траекторию мысли исследователя и диапазон привлекаемого им материала. Так, по словам автора, «ответ Эдипа (на загадку Сфинги — Э.Р.) допускает альтернативное прочтение. Содержащееся в нем греческое слово τετράπους (от τέσσαρες — четыре + πούς — нога) — «четвероногий», которое в силу «автоматизма восприятия» традиционно связывают с «ребенком», практически не употребляется в отношении человека. В античных текстах это слово обычно служит прежде

всего для обозначения животного, обычно лошади или коровы <...>. Например, в мифе об основании города Фивы, которые были заложены прадедом Эдипа Кадмом в том месте, где возлегла «четвероногая» корова: «Χορός·Κάδμος ἔμολε τάνδε γᾶν· Τύριος, ᾧ τετρασκελῆς μόσχος ἀδάματον λέσσημα» <...> — «Кадм, сын Тирского царя, пришел в эту землю и перед ним упала четвероногая стельная корова» (перевод — В.П.). У Геродота слово «четвероногий» употреблено при описании гиппопотама (οἱ δὲ ἵπποιοι οἱ ποτάμιοι <...> τετράπους ἐστὶ — Herod. IV, 71), который назван «водяной лошадью». Слово «четвероногий» (τετράπους) в отношении животного встречается у Геродота, Платона, Аристотеля, в Новом Завете: «В нём находились всякие четвероногие земные, звери» — «ἐν ᾧ υπήρχεν παντα τὰ τετραπόδα της γῆς και τὰ θηρία» (Деяния апостолов 10:12). У Платона: «преданный наслаждению, пытается, как четвероногое животное (τετράποδος) покрыть и оплодотворить» (Федр 250e). Аристотель в «Метафизике» противопоставляет «двуногого», то есть человека, лошади — «четвероногой»: «οἷον ποῖόν τι ἄνθρωπος ζῆον ὅτι δίπουν, ἵπλος δὲ τετράπους» (V. xiv)» [с. 91].

Заслуживает внимания и девятая глава («Загадка о всаднике»), т.к. ранее никто не предлагал трактовку загадки Сфинги как загадки о «всаднике на лошади», т.е. о двух существах (человеке и животном). Эта идея выражена в книге следующим образом: «Наша догадка состоит в том, что ответ Эдипа на загадку «про ноги» заключает в себе одновременно как иносказательное описание стадий жизни «человека», так и закамуфлированное описание фигуры «всадника» — одного из центральных мотивов мифа об Эдипе [с. 103] <...> Прочтение загадки Сфинги как описания символической фигуры всадника, образованной посредством виртуального соединения двух существ — «двуногого» человека и «четвероногого» животного, — также находит опору в работах по реконструкции индоевропейского прототипа загадки «про ноги» [с. 105-106].

Бесценной для литературоведов, специализирующихся на изучении поэзии и стихосложения, будет глава тринадцатая книги («Загадка Сфинги: анатомия стопы»), где выдвигается идея о том, что «канонический текст загадки в версии Асклепиада заключает в себе подспудную метазагадку о стихотворном размере, которым она написана. Предлагаемое альтернативное прочтение основано на металитературной переключке между анатомической стопой «многоногого» существа в загадке и метрической стопой дактилического

гексаметра» [с. 7]. Приведем фрагмент исследования: «Загадка о существе с меняющимся числом ног распространена в фольклоре разных народов мира <...>. Опираясь на литературную историю загадки Сфинги, можно предположить, что изначально это была метазагадка о метре, которым она была написана, то есть о дактилическом гексаметре. Такое прочтение имеет корни в античной традиции мета-описания в тексте загадок того стихотворного размера, которым этот текст написан. Вот пример из «Палатинской антологии»:

Filia Icarii, prudens Penelopea
Sex pedibus incedens, tribus dactylus apparuit
<...>.

«Дочь Икария, умная Пенелопа;
Шесть ног, три пальца у нее»
(перевод В.П.).

Речь идет, конечно, не о том, что у Пенелопы шесть ног и три пальца. Вторая строка описывает здесь не Пенелопу, а первую строку, точнее ее метр — гексаметр, в котором шесть стоп, из которых три дактиля. Известны и мнемонические фразы для запоминания стихотворного размера: «Вырыта дактилем яма глубокая» (дактиль); В глубокой теснине Дарьяла, где жил Амфибрахий седой (амфибрахий). Идея о взаимосвязи метра и семантики восходит к древнегреческому софисту Дамону (V в. до н.э.) и обсуждается в «Республике» Платона <...>. Сократа интересует мнение Дамона о том, какой метр лучше подходит для описания рабелепия, жестокости, гордыни и безумия» [с. 146].

Или, в той же главе, в подразделе «Человек — дактиль» не менее сенсационное на сегодняшний день открытие: «Разгадка Эдипа содержит ключевое слово ἄνθρωπος (человек — в аккумулятиве) в котором первый ударный слог более долгий, чем два последующих, что можно записать как: UU, то есть как дактиль. По правилам просодии «вскоре после Христа слово ἄνθρωπος <...> производилось как дактиль» <...>. Тем самым в прозаическом ответе Эдипа обнаруживается неожиданная аллюзия на метрическую стопу, лежащую в основе стихотворной загадки Сфинги. В метафорическом смысле, основанном на двойственном значении слова стопа, «Эдип кладёт стопу себе в рот» <...>» [с. 147-148].

Формат рецензии, разумеется, не позволяет осветить все аспекты изучения автором его предмета, и даже все наиболее любопытные из них.

Однако в целом, ознакомившись с монографией В.И. Пимонова, мы не можем не согласиться с размышлениями ученого о судьбе мифологии в его своеобразном постскриптуме к книге: «Если понимать под мифом совокупность всех его версий, включая научные толкования, то можно ли считать частью этой совокупности и литературоведческие прочтения мифа об Эдипе — наряду, например, с его воплощениями в драматургии? Вот как на этот вопрос отвечает учёный-физик (В.И. Пимонов ссылается на доктора физико-математических наук О.Б. Заславского — Э.Р.): «Пьеса — как художественный текст — может менять (расширять) объект, но “прибором” не является. Драммы Софокла вполне допустимо рассматривать как вариант архисюжета об Эдипе. А литературоведческое исследование — это именно “прибор”, который растворяется в объекте не может. Ну разве что представить себе совсем уж маловероятный случай: появилось исследование, которое публика почему-то стала воспринимать в качестве нового варианта мифа, причем настолько поразившего умы, что он начал распространяться как фольклор». В этой связи приходит на ум изложение сюжета об Эдипе в знаменитой книге «Легенды и мифы Древней Греции», написанной профессором-историком Н.А. Куном (1877—1940). Научно-популярная версия мифа, которая, как следует из предисловия к старым советским изданиям, была ориентирована на преподавателей истории, филологов, искусствоведов и «всех работников культурного фронта», до сих пор воспринимается массовым читателем как одна из наиболее правдивых и заслуживающих доверия» [с. 152-153].

До нас, к сожалению, не дошел «Эдип» Эсхила (467 год до н. э.) и Еврипида. Но «пимоновским» мифом с многочисленными пластами, ставшими предметом многолетнего исследования ученого, по праву можно продолжить этот ряд, а по глубине погружения в структуру, по увлекательности наблюдения за траекторией осмысления трагедии «Эдип» — продолжить и ряд художественных (!) произведений авторов, касавшихся этой темы — от Сенеки и Корнелия до Луи Арагона и Ю. Волкова. Бесспорно, книга — поистине знаковое событие в истории культуры XXI века.

«Миф об Эдипе...» В.И. Пимонова рекомендуется и как пособие для преподавания античной литературы в вузе: для студентов, магистрантов и аспирантов это послужило бы ярким примером

самого «въедливого» анализа любого произведения. Автором данной рецензии уже была успешно апробирована опора на эту монографию в практическом занятии по Софоклу в рамках дисциплины «История зарубежной литературы» для бакалавриата Самарского государственного социально-педагогического университета – вектор исследования профессора стал предметом оживленной дискуссии.

Таким образом, монография В.И. Пимонова была бы интересна не только специалистам – узкого и широкого профиля – но и всем неравнодушным к современному гуманитарному знанию: это блестящая возможность поразиться скрупулезности структурного анализа, открывающего огромные залежи смыслов в пространстве текста, и блестящей эрудиции автора.